

Однажды, по космическим меркам недавно, а по меркам обычной человеческой жизни — в другой, давно забытой реальности, в одном, очень отдаленном военном гарнизоне жила-была ватага веселых мальчишек. Гарнизон был настолько далек от родных осин, что мальчишки просто жили ожиданием (в оставшееся от других забот время) счастливого времени отпусков своих отцов, чтобы напиться березового сока или броситься в объятия родной речки, в обществе неисчислимого множества старых друзей своих дворов. Там, на Большой земле, ласково называемой «Союзом».

Но это счастье выпадало лишь раз в году, поскольку отцы наши трудную службу несли вдали от России, а мамы гордились тем, что тоже в деле.

Ну, так что же мальчишки в далеком гарнизоне? Да как все мальчишки во всем остальном мире: дружили, дрались, с любовью и стеснением поглядывали на сверстниц, собирали гильзы... ну, положим, гильзы собирали не все. Еще был дворовой футбол, редкие, но не шутейные «зарубы» в настольный теннис и бильярд в комнате отдыха, когда офицеры и сверхсрочники были на службе. Драки, к слову сказать, были в чести: почти каждый желал отстоять свое «я», а «я» товарища сделать немного поменьше, чем свое собственное. Разборки возникали по поводу и без, по случаю и просто так. Симпатии и антипатии наметились почти сразу, после того, как все оказались на

этой «подводной лодке», состоящей из трех домов офицерского состава на окраине небольшого городка в Северной Моравии. А борьба за влияние или старшинство в ватаге, началась минут через двадцать...

Небезынтересно и то, что многие заводили дружбу или что-то вроде приятельских отношений в соответствии с воинскими званиями и/или должностями своих родителей. Это было странно и глупо, но именно так. Ведь и родители тоже придерживались установок и традиций, ориентированных на строгую армейскую иерархию. Словом, через некоторое время ребята разделились на группировки, которые то враждовали между собой, то мирились, то просто забывали о существовании друг друга.

Мне выпала не очень-то и завидная, учитывая возраст юный, участь «свободного», а значит, не примкнувшего ни к одной из компаний члена мальчишеского сообщества. Я прибывался то к одной, то к другой группе, но в основном был сам по себе. Конечно же, были и те, кто постоянно от меня чего-нибудь хотел, например, как-то унижить или показать свое превосходство. Зачем? А кто знает, может быть, во мне видели потенциального аутсайдера, с которым можно себя таким образом «реализовать». В результате, ссоры-драки, драки-сплетни (да-да! сплетни среди детей), науськивание и снова драки. Но я как-то держался.

Ну и... было много увлечений. Книги, в основном книги. Именно тогда я впервые прочитал, а потом семь раз перечитал «Приключения Тома Сойера». А однажды в пустом классе, на последней парте случайно заметил кем-то забытый томик избранных произведений Николая Васильевича Гоголя и, несмотря на то что до знакомства с великим классиком я еще, мягко говоря, не дорос, прочитал его. Были и разные пацанячьи «ценности», вроде заграничных безделушек, значков, моделей гоночных автомобилей и, конечно, почтовых марок.

Вообще-то, взрослые в наши дела не очень-то и вникали, но мне казалось, что некоторые из родителей (в основном мамы, которым особенно заняться было нечем) в какой-то мере пытались формировать отношение кое-каких ребят ко мне. Чем-то я им не нравился, возможно, тем, что не был похож на остальных, то есть был не таким, как все: то ли слишком «задумчивым», то ли не в меру любознательным... Впоследствии я часто ощущал подобное отчуждение, уже будучи сначала юношей, а после и взрослым мужчиной. Что-то в

личности? В потоках, которые излучает большинство людей, и не всем эти потоки подходят? Не знаю... впрочем, может быть, тогда мне просто это все казалось.

Однажды маме моего друга Юрки, Людмиле Сергеевне, необходимо было лечь в больницу «на обследование» (это я услышал из разговора мамы с отцом), потому что она ждала ребенка, а его отец должен был ехать на очередные учения (как и мой, и все остальные). Людмила Сергеевна попросила мою маму, чтобы Юрка пожил у нас с недельку. Мама согласилась, ну а моей радости не было предела. Надо же! Такое счастье выпадало нечасто (никогда), мы же ведь будем вместе сутками (мама приготовила вторую кровать в моей комнате) и в школе, и после уроков во дворе, а по вечерам, перед сном будем объедаться жареным арахисом, болтать, сколько влезет, и все будет здоровски.

Поначалу все так и было. Что до меня, то я старался изо всех сил, чтобы угодить другу. Примерно два дня все, по моему мнению, было хорошо, а потом стали происходить какие-то странности-нелепости. Юрка, казалось, ни с того, ни с сего вдруг стал каким-то равнодушным и отстраненным. Я не мог понять, в чем дело. Вообще-то, если честно, долгие периоды его молчания и странный взгляд куда-то в сторону я воспринимал, как обыкновенную тупость. Умом он, что называется, не блистал, хотя и был популярен в «наших кругах» и даже среди немногих очень занятых и важных старшеклассников, поскольку для своего возраста был крупный и спортивный.

И вот как-то я, Юрка и еще несколько ребят и девчонок собрались на «посиделках» дома у одной девочки. «Посиделки» были одним из наших многих и почти самых интересных увлечений, поскольку девчонки... Мы болтали, выкаблучивались друг перед другом, жевали жвачку и пили «кафолу» (аналог американской кока-колы). На крутом советском транзисторе (кажется «VEF-СПИДОЛА») шла потоком, чего никогда не случалось на Родине, популярная западная музыка, которую мы в общем еще не очень понимали, но слушали с удовольствием. Вот тут-то я и услышал (я слышал и раньше, но не вслушивался) мега-супер вещь еще тогда только набиравшей популярность британской группы «Middle of the road». Разумеется, тогда я не знал ни кто играет, ни что играет (песенка называлась незамысловато, что в русской транскрипции звучало как «Чиппи-чиппи, Чип-чип»), но меня эта штука увлекала, уносила за собой в «жаркие» страны — неведомые края. Я был почти уверен, что

поют китайцы, хоть и по-английски. В тембре голоса солистки что-то такое было. Позже, когда я уже всерьез стал заниматься музыкой, эту вещь я так и не смог отыскать в бескрайнем море поп-музыки семидесятых, а потом и восьмидесятых, ну и так далее.

Вот здесь, прямо посреди праздника жизни, мы с Юркой вдруг поссорились. Даже не поссорились, а так, сказали друг другу (совершенно, по-моему, без причины) по паре резких слов. Полная чепуха, даже по нашим детским меркам, ведь мы тогда ссорились и мирились по десять раз на дню. Но тут вдруг все оказалось слишком серьезно. Настолько, что Юрка оттопырил нижнюю губу и заявил, что больше со мной не дружит (никогда), и вообще уходит от нас. В смысле, до выхода из больницы его мамы, он у нас больше жить не будет.

Я открыл рот от удивления и так и не смог закрыть его. Потому что, честно говоря, был не просто сбит с толку, а испугался. Я же ведь понимал, что Юру оставили у нас, а точнее, поручили присмотр за ним моей маме не просто так, а взрослые *договорились* между собой, а это уже не шуточки. И получалось, что в том, что Юра уходит, виноват не кто-нибудь, а я. Виноват без вины, ничего ведь не произошло! Но Юра в этот же вечер (очень решительно, молча, сопя) забрал свои вещи и ушел... к Толику.

Толик был сыном командира полка, и у него была старшая сестра (ученица десятого класса), которая вела себя так, чтобы все (и взрослые в том числе) понимали, какое высокое положение в нашем местном обществе она занимает среди ребят и девчонок всех возрастов и всех компаний. Уже будучи взрослым и вспоминая те времена, я понял, что она, в общем-то, брала пример со своей мамы, которая, по мнению многих взрослых (в том числе и моих родителей), частенько вела себя не лучшим образом в отношениях с окружающими.

Юрка ушел. Я же поведал обо всем маме. Сказать, что мама расстроилась, значит, не сказать ничего. Она была подавлена, хотя я честно рассказал, как было дело. И я понимал, что ей будет очень неудобно (очень-очень неудобно) перед мамой Юры. И вообще вся история выглядела как-то неправдоподобно, глупо и натянуто. Что-то во всем этом было не так — никчемушная ссора, переход не к кому-нибудь, а к Толику...

Мама быстро накинула пальто и пошла узнавать, в чем дело, в квартиру сына и дочери Командира. Поход вышел неудачным, хотя его надо было совершить, чтобы внести ясность и обозначить свое

отношение, можно сказать, позицию. Неудача состояла в том, что Старшая сестра, которая встретила маму на пороге, в довольно хамской форме (начинающиеся и закрепляющиеся ухватки Хозяйки жизни) сказала маме, что Юрию делать у нас нечего и что Юрий останется у них. Это было унижительно, весьма унижительно, но мама была сильным человеком (она всегда была такой) и стойко перенесла это, в общем-то, «сопливое» дело.

Время пролетело быстро, и Людмила Сергеевна вернулась из больницы. На следующий день она просто и по-человечески поблагодарила маму, и я оказался еще перед одной загадкой. За что же благодарность, ведь Юрка же ушел от нас, да еще из-за меня!

На том история и закончилась. Она бы и ушла в информационное поле Земли навсегда, подобно многим миллиардам, не очень ясным «нескладухам-недоразумениям», происходящим в мире ежедневно и растворяющимся во времени и пространстве. Но что-то во всем этом было до неестественности загадочным, и эта загадка сидела где-то в глубинах моего подсознания, притаившись и ожидая, когда дойдет очередь до ее решения.

И, представьте, относительно недавно (где-то на прошлой неделе), более чем через сорок лет, я ее решил, причем всю и сразу. Решение задачи детства просто вырвалось из подсознания в анналы активной памяти, когда я, ковыряясь в своей фонотеке на «компе», включил ту самую песенку «Чиппи-чиппи, Чип-чип». Я все же отыскал ее в прошлом году в Сети, слава Интернету! Поскольку вместе с воспоминаниями обо всем деле в целом, обрисовались еще кое-какие детали, которые мое сознание в те далекие времена отметило, но не проанализировало. Картина предстала целиком как небольшой детективный рассказ. Пришло время, как говорят, приподнять завесу тайны...

Значит так.

Как только Юрка стал жить у нас, его стал «обхаживать» еще один наш общий приятель — Толик, которому тоже очень хотелось круглосуточно находиться вместе с другом. Я же с Толиком никогда не ладил, а сказать прямо, мы открыто ненавидели друг друга и враждовали. Толик, конечно же, привлек к делу старшую сестру. Я с поразительной ясностью вспомнил, что один или даже два раза, становился невольным свидетелем разговоров то ли Толика, то ли Старшей (вот как ее зовут, я так и не вспомнил) с Юркой. Общий

смысл этих «бесед» сводился к такому: мол, чего ты у них там, давай к нам, мы же ведь друзья получше будем, чем «этот» (то есть я). И вообще у нас, дескать, круче и веселей, а места — хоть на велике катайся! А он, он кто такой? Да и не друг он тебе вовсе, а так... и все в таком духе. Тогда я не придавал значения этим коллизиям, но теперь понятно, что в итоге они все же сумели обработать Юрку.

Далее перед Юрой встал вопрос: а как бы поудачнее повернуть операцию с кодовым названием «Переход в другую семью»? Просто так сказать: «Знаешь, меня пригласил к себе пожить Толик, и я буду жить у них, пока мама не придет» — у него не хватило духа. Это никак не подходило. Надо было повернуть ситуацию так, что он *вынужден* был переселиться из-за ссоры со мной, например. В этом случае он — жертва, он в белом, и вообще, несчастный ребенок, у которого мама в больнице, а те, на кого его оставили, не оправдали... В общем, ушел из «недостойной» семьи и зажил привольно и счастливо у «друзей». Возможно, такой вариант подсказал ему Толик (он был очень умный мальчик), и еще, очень возможно — его Старшая сестра, ее интеллект был вообще вне обсуждения. Кстати, ее не очень-то и любили старшие дети ее «круга», возможно, подобные проделки уже имели место быть.

В общем, Юра так и сделал. Он выждал удачный момент, спровоцировал ссору и изобразил «ужасную» обиду на «посиделках» под «Чиппи-чиппи, Чип-чип». А потом с «чистой» совестью собрал манатки и свалил к Толику. Я уже говорил, с какой легкостью он это проделал.

Конец истории?

Нет. Людмила Сергеевна... Она же ведь не зря от души благодарила мою маму, когда вернулась из больницы. Юра прожил у нас два дня, и нам разрешалось все, что позволительно мальчикам в возрасте Тома Сойера и Гекльберри Финна. Мы не спали до поздней ночи, болтали, хохотали, мечтали, рассказывали «страшные истории» и грызли жареный арахис, благо, у меня была отдельная комната.

Когда Юрка ушел, в его жизни кое-что изменилось, а вернее, изменилось все. Он сразу же попал в подчиненное положение человека, которому сделали великое одолжение, а именно, приютили, «спасли» от «страшно неприятных» людей. Посему и вести себя он должен соответственно. Жесткий, настоящий армейский распорядок вперемишку с в общем-то понятными (но не совсем) требованиями и командами Старшей сестры, которая уже тогда (как мне кажется) нуж-

далась в помощи опытного психолога. Никакой болтовни по ночам, никакой ржачки и жареного арахиса. Иди туда, делай это, с утра физзарядка, сядь здесь и сиди тихо, или что-то примерно так. И вообще, ты находишься в доме Командира, и одно это обстоятельство обязывает тебя держаться по команде «смирно» и только иногда «вольно». Но только иногда...

Может быть, Юрка и хотел бы вернуться, но дороги назад уже не было. А вскоре мама вернулась из больницы, и все закончилось. На вопрос мамы: «Почему так вышло? Только не смей мне врать! (Людмила Сергеевна, насколько я помню, любила предельную ясность во всех делах) — Юра просто, по-детски все рассказал. Поэтому следующим вечером Людмила Сергеевна пришла к нам домой и лично поблагодарила маму за все хорошее... По-моему, там даже была коробка конфет, но точно не помню.

Вот как все, примерно, было. Потом «по жизни» у меня тут и там происходили всякие разные по форме, но очень похожие по содержанию несуразицы и глупые ситуации. Многие, очень многие люди, поступающие, как тогда поступил Юра (остаться «в белом» в неоднозначной ситуации, ни в коем случае ни-ког-да не брать на себя ответственность!), повстречались мне по дороге. Они приходили и уходили всегда «в белом», а если дело требовало испачкаться (жизнь так устроена, что иногда люди пачкаются, сами того не желая), то для этого поблизости у них всегда был человек, вроде меня. Они использовали случай и исчезали, чтобы уже больше никогда не появиться на моем горизонте. Некоторые из них даже успевали мне понравиться, некоторые называли себя друзьями, но разбираться с проблемами совместными усилиями не хотел почти никто. Хотя, по правде сказать, я справлялся всегда в одиночку, и за себя, и за тех, кто был в тот момент рядом, а потом исчез.

К сожалению, наша жизнь наполовину состоит из плохого, и если вовремя от него не очищаться, а сваливать на других, то выбраться на свет Божий просто нереально.

Идея в том и состоит, правда ведь? В очищении, в общем.

